

© Н.Л. Пушкарева

ЖЕНЩИНЫ-УЧЕНЫЕ В РОССИЙСКОМ ПОСТСОВЕТСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

- Что должна делать сотрудница за зарплату в полторы тысячи рублей?
- Ничего. И даже немножечко вредить

(Из фольклора работников РАН)

Этнография и культурная антропология профессий, в том числе профессии научного работника или работника умственного труда – новое направление в современной этнологии и культурной антропологии¹. Оно активно взаимодействует с качественной социологией – той, что основывает свои построения на методах глубинного интервью, включенного наблюдения, анализа отдельного случая (case-studies). Стремление описать и проанализировать профессиональные традиции научных работников в терминах субкультур, фиксируя как знаковые (символы, атрибуты, фольклор), так и социально-поведенческие (формы общения, нормы, стереотипы поведения) аспекты этих традиций, помогает реконструкции профессиональной субкультуры академического сообщества – какой бы "странной" ни казалась такая этнография².

"Антропология науки" предполагает реконструкцию комплекса складывающихся и сложившихся ритуалов и традиций в среде научных работников – как официального, нормативного слоя, так и неписаных правил поведения (стереотипических черт в образе жизни, формах повседневного дискурса, ритуалов, символики и атрибутов, что так отчетливо характеризует нашу профессиональную среду) (*Щепанская* 2003: 139–161). Такая реконструкция – очевидная составляющая герменевтики исследований, ведущихся в социальных науках (*Квале* 2003: 56–57); без нее не понять, как именно повседневность того или иного "номического" сообщества³ (находящегося в поле социальной нормы, а потому менее описанного и проанализированного) вписана в общее развитие культуры этноса, ее динамику.

Гендерный аспект этой темы – направление весьма многообещающее. Я считаю лишь нужным оговориться, что под "гендерным аспектом" понимаю не традиционное описание особенностей социально-профессионального существования мужчин и женщин в научной среде, а *вскрытие технологии воспроизводства властных отношений в ней*. Я исхожу из того, что "гендерный аспект" – не субстанция, не данность, не полезная категория для научной карьеры, позволяющая назвать прежние исследования этнографии пола гендерными исследованиями и получать под это гранты (*Муравьева* 2005: 193), а методологический ключ, позволяющий легитимизировать феминистски ориентированные теоретические основания научного анализа.

Теперь несколько пояснений об этих методологических основаниях. Мною написано много статей на эту тему, но, возможно, не всем удалось ознакомиться с опубликованным (*Пушкарева* 2004а: 39–51). Резюмируя напечатанное, я в данном исследовании лишь условно противопоставлю – в целом огрубляя и схематизируя – науку *традиционную* и науку *феминистскую*, чтобы обнаружить отличия и расхождения. В этом противопоставлении сошлюсь на книгу американского культурантрополога Ренато Розальдо "Культура и правда" (*Rosaldo* 1989: 33), в которой приведены три основные черты традиционной этнографии. Это 1) *объективизм* – стремление к научной объективности, неангажированности, к независимости от эмоций, влияний, идеологий, 2) порожденная

Наталья Львовна Пушкарева – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН.

объективизмом *империалистичность* – стремление исследователя поставить себя в независимое положение наблюдателя со стороны, подобно тому как белый путешественник имперски наблюдал за варварами-туземцами, присваивая себе право считать кого-то более диким, а кого-то – менее, поскольку именно он формировал понятие "нормы", 3) *монументализм* – стремление описывать наиболее распространенное, типическое и малоизменчивое как структурообразующие параметры данной этнокультуры, именуемое во французской школе Анналов "процессами большой длительности", а в старой классической этнологии М. Мид, Б. Малиновского и Ф. Боаса нашедшее отражение в описании прежде всего социального равновесия, эквилибриума, "нормы".

Феминистская антропология предлагает прямо противоположные основания для ведения исследований. Не стремление к пресловутой объективности, но сопереживание, желание *эмпатически понять* – вот что двигает феминистским антропологом. Поэтому феминистски ориентированный антрополог не выносит высокомерных оценок, не дистанцируется от исследуемых, не возносится над изучаемой им культурой, стараясь быть независимым наблюдателем и судьей, а помещает себя внутрь изучаемой культуры, становится ее частью (инсайдинг). Он анализирует не только внешне видимое, но и подразумеваемое, предубеждения и предрассудки собственной культуры (что очень сложно и редко реализуется в обычных проектах) и тем преодолевает империалистичность. Наконец, целью феминистского исследования является не описание увиденного, но попытки *понять механизм изменений*, их динамику, в особенности – механизм воспроизводства асимметрии, иерархий, неравенства (и прежде всего гендерного дисбаланса). Именно поэтому в феминистское исследование включается не только типическое, распространенное или где-то бытующее, но и казуальный анализ, а также событийный фактор.

Микроаналитическая стратегия здесь смыкается с достижениями психоанализа, феноменологии, экзистенциализма и использует их. Отказ от попыток дать жесткую оценку тем или иным фактам или высказываниям ставит перед исследователем задачу выявить различные типы дискурсов, касающихся статуса женщин в науке: не только мужской и женский, но весь интерпретационный репертуар – дискурс интервью, дискурс опубликованных научных произведений, дискурс официальных документов и – что в данной статье выделено особо – дискурс фольклора.

Методологическим основанием для изучения гендерного аспекта антропологии научной работы является также то понимание "истории повседневности", которое утвердилось в науке в последние годы и которое отличает эту область изучения от этнографического исследования быта (Пушкарева 2004б; 2004в). Различия здесь опять-таки в привнесении элемента субъективности, который наукой традиционалистской жестко критикуется. Задача разделяющего идеи феминистской антропологии ученого состоит в том, чтобы проанализировать не только бытовые детали жизни, ее ритм, повторяющееся содержание, но и детали "переживательные": респондент произнесенным текстом всегда несет не только этнографическую, но и социально-психологическую информацию. Сказанное им ценно и само по себе, и в соотношении с личным опытом аналитика – тем самым, которое традиционная наука старалась маргинализировать, исключить, чтобы достичь пресловутой объективности. Вот почему в моем исследовании есть надежда реконструировать не только то, что составляет структуры быта и повседневности (рабочей и внерабочей) женщин-ученых, но и те смыслы, которые придаются этой женской деятельности окружающей женщин культурой. При этом кажущаяся "знакомость", известность описываемого предмета – скорее помеха, так как она заставляет пройти мимо очевидного, пропустить его, постоянно "замыливая" остроту исследовательского взгляда.

"Место женщины в социальной жизни не является в прямом смысле результатом того, что она делает, но того, какое значение придается ее деятельности в рамках конкретных социальных взаимодействий", – отмечала выдающийся американский антро-

полог феминистской ориентации Мишель Розальдо в специальной статье о "злоупотреблении" антропологией (*Rosaldo* 1980: 400).

В рамках такого подхода перед исследователем статуса женщин в науке стоит не вопрос о том, сколько научной продукции произведено женщинами – сотрудниками НИИ и каково ее качество, а вопрос о том, *как относятся к женскому труду в академическом сообществе*. Изучение повседневности женщин-ученых – благодатная почва для апробации женщиной-исследователем методик феминистской антропологии. Желая внять призыву германских историков-повседневноведов "Grabe, wo Du stehst!" ("Копай, где стоишь!")⁴, ученые Болгарии, Чехии, Польши, Украины, Белоруссии и России начали работу над проектом, в центре которого – изучение бытовых реалий нас самих, женщин-ученых, в социалистический и постсоциалистический период. Проект этот молод, поэтому собраны материалы лишь первичных пилотажных обследований – многочасовые записи бесед (скрипты каждого занимают объем в несколько печатных листов). По сути это диалоги, в которых интервьюер участвует в разговоре не только "наводящими вопросами", но и рассказами о своем жизненном опыте, вызывая тем самым искомые эмоции сопереживания и обсуждение тем, которые при жестко структурированном традиционном интервью могли быть обойдены в силу тех или иных, иногда этических, иногда иных мотивов. Собственно эти "рассказы о жизни" и подтолкнули меня к теме современного научного, квазинаучного, околонучного фольклора, в котором отобразились женщины-ученые.

Еще одно предварительное замечание. Уже в первых пилотажных опросах в рамках проекта выяснилось, что под "успешностью" в российской науке понимается признание заслуг специалиста профессиональным сообществом, а именно быстрая защита второй диссертации и движение вверх по профессиональной лестнице после получения должности ведущего научного сотрудника (ведущего специалиста), звания профессора. Защита кандидатской – уже давно не показатель успешности, что отразилось и в профессиональном фольклоре нашего сообщества (перефразирование строчки из стихотворения Н.А. Некрасова): "Ученым можешь ты не быть, но кандидатом быть обязан".

Фольклоризация этого изречения заметна по множеству публикаций (*Иваненко* 2003). Формальные подсчеты соотношения "остепененных" женщин в постсоветской науке показывают, что "обязанных" быть кандидатами много больше, чем "ученых". По данным 2002 г., опубликованным газетой РАН "Поиск", удельный вес женщин среди кандидатов наук составлял 34,7%, а докторов – 19,1% (*Дежина* 2004: 7). Еще более проблемно присутствие "ученых женщин" на высшей ступени академической науки: в составе РАН на 2003 г. 456 действительных членов (академиков), и из них женщин – всего 9 (1,9%).

Всего членов-корреспондентов в РАН – 683, из них женщин – 23. В Президиум РАН входит 55 человек, плюс 35 так называемых советников РАН. Последние – академики, которые в прошлом были членами Президиума РАН (ныне участвуют в заседаниях и имеют, по существу, права членов Президиума, кроме права решающего голоса при голосованиях). Среди указанных 90 человек нет ни одной женщины (*Гинзбург* 2003: 8). Таким образом, академическое сообщество дает понять "сестрам по профессии": истинными учеными они быть не могут (раз их туда не выбирают). Хотя имеют право...

Понятно, что критерий "успешности" подвижен и динамичен. Присуждение степеней, наличие "погон" членов-корреспондентов и академиков может и не стать признаком научного авторитета. К тому же основная проблема изучения, поставленная мной как инициатором описанного выше проекта – не изменчивость содержания понятия научной успешности, не ее понимание мужчинами или женщинами, разными слоями научных работников. Основная проблема – это *воспроизводство (через культурные стереотипы) устойчивых форм подавления любых проявлений женского доминиро-*

вания в научной среде – как очевидных, так и трудно выявляемых, в том числе в фольклоре, языке, стилях поведения.

Предмет изучения (как он представлен в данной статье) – детали быта и повседневности женщин-ученых, которые отобразились в фольклорных (или авторских, но фольклоризирующихся) пословицах, поговорках, лозунгах, "крылатых фразах", анекдотах, метафорах и просто лексемах. Центральное место в записях заняли все же анекдоты – один из наиболее распространенных жанров современного городского фольклора, построенный на национально-культурных конвенциях (условностях). Очевидно, что именно они позволяют чувствовать в рассказываемых текстах смешное: адресаты знакомы со сложившимися в данной культурной общности стереотипами (Анашина 1999: 21; Чиркова 1998: 30–37; Шмелева, Шмелев 1998; Яковенко 2000). В анекдоте, как особом речевом жанре, присутствует отличительная черта – ключевая фраза ("шутка с гарантией"), суммарно и концентрированно выражающая примечательный факт, явление (Шмелева, Шмелев 2006: 46–50).

Исследовательская цель данной статьи – определение степени распространения традиционных гендерных (да что уж там говорить, сексистских⁵) стереотипов в среде высокообразованных социальных слоев. Поставленная аналитическая задача имеет далекий "посыл", связанный с изучением повседневности депривированных социальных групп. Очевидно, что группы, удерживаемые на низших социальных ступеньках ограничительными предписаниями, как правило, заняты на плохо оплачиваемой работе, а потому не могут позволить себе стиль жизни, предназначенный для так называемых лучших людей. В таком случае предписывающий (аскриптивный) характер их депривации (лишенности) остается скрытым. Видимое неравенство (если оно, конечно, кем-то все-таки видится, а не обосновывается традициями, культурным прошлым, сложившимся порядком вещей, самой Природой, наконец!) любой Власти приходится обосновывать и объяснять. Вот тогда на помощь ей приходят такие спорные и субъективные аргументы, как меньший талант, слабые старания, недостаточная сообразительность и другие субъективные характеристики депривированной группы.

Выдвигая гипотезу о равной одаренности мужчин и женщин, принадлежащих к российскому научному сообществу, и пока оставляя в данном обзоре тексты биографических интервью в качестве дополнительного источника, я предлагаю обратить внимание на околонучный, а также далекий от науки фольклор о работниках академического сообщества. В нем женщин-ученых именуют "академики", "научёные", "интеллектки" (как правило, с отрицательной коннотацией):

Студентки у стенда с результатами вступительных экзаменов.

– Ну вот, мы теперь, можно сказать, интеллигенция...

– Чё?

– Хрен через плечо! Интеллигенция мы, говорю...

(Архив автора. 29 марта 2005 г. Саратовский государственный технический университет)

Очевидно приписывание женщинам некультурного речевого поведения ("чё?") и желания все-таки принадлежать к интеллектуальной элите. Приведенный текст – яркий пример "переадресации" женскому полу упреков, которые должны быть обращены к полу мужскому, для которого и такой тип речи более характерен и мотивация более ясна (диплом вуза нужнее мужчинам, ориентируемым социумом на профессиональную реализацию). Метатекстовый ввод любого анекдота такого типа – как правило, ситуация рассказа о каком-то негативном жизненном переживании (во всяком случае, именно по ходу свободного биографического рассказа подобные аллюзии нередки).

Вместе с тем, не забывая основной цели исследования, поставим вопрос: почему и как происходит подобная "переадресация" женщинам упреков, которые должны быть

обращены к мужчинам? Отвечая на него, мы сможем приблизиться к пониманию и того, как формируются те проложенные культурными стереотипами "колеи", по которым воспроизводится неглавенствующее, второстепенное социальное положение женщин в научном сообществе. «Вторжение женщины на территорию некогда надежного "мужского заповедника" поставило под сомнение считавшиеся доселе непререкаемыми правилами, тем самым привнеся в ранее однозначно воспринимавшуюся ситуацию элементы замешательства и негодования", – размышляет над сложившимся положением автор знаменитой в социологическом мире и ныне переведенной на русский язык книги "Мыслить социологически" британский теоретик З. Бауман (*Бауман* 1996: 57). Прилагая его заключение к антропологии научного сообщества, можно увидеть, что под "непререкаемыми правилами" в академическом коммюнити действует сложная структура гендерных стереотипов, выработанных культурой в целом и привнесенных в повседневность той части общества, которая должна была бы быть по определению далекой от стереотипного мышления, а именно ученых. "Непререкаемые правила" явственно проступают в ответах опросных листов: 41,3% участниц интервью считают, что принадлежность к женскому полу мешает реализации научной карьеры (*Дежина* 2003: 5), поскольку именно достижения женщинами профессиональной успешности в терминах мужского мира – звания, должности, степени, премии (а не просто занятость) – в научном мире никто не ожидает.

Приведем примеры, зафиксированные текстами анекдотов⁶ и присловий. Во-первых, не случайно именно в последние десятилетия в СМИ стали употребляться термины *самозванка-образованка* и *наученные работницы* (Правда.Ру, Медиахолдинг 31 канал), подчеркивающие тот факт, что научить научным ужимкам и прыжкам якобы не составляет труда. Во-вторых, в связи с сохранением женского присутствия в научной сфере и (после коллапса бездействовавшего все советское время Комитета советских женщин) многочисленных женских организаций, всевозможных центров гендерных исследований, союзов женщин-математиков, физиков, Союза женщин МГУ, андроцентричная культура немедленно вбросила в обращение анекдот, призванный обесценить способность уважаемых женщин-ученых, обладающих активной жизненной позицией и готовностью становиться глашатаями феминистских идей, объединяться.

"Резолюции Всемирного женского конгресса.

Все женщины – сестры!

Все мужчины – козлы!

Надеть совершенно нечего..." (Архив автора. 6 июля 1999; Школа по теории и методологии истории. Таруса-1999).

Убедительность и приближенность к жизни данному анекдоту придает трансформация известного феминистского лозунга ("Все люди – сестры!"), а снижение пафосности достигается за счет аскриптивного обобщения простых женщин с активистками женских организаций, у которых, однако же, на уме все то же – "надеть совершенно нечего".

Очевидному осмеянию через сопоставление, уравнивание и объединение феминисток с неприемлемыми для современного российского обывателя лесбиянками подвергаются те, кто (возможно) еще склонен был задуматься над содержанием современного феминистского проекта: "Чем феминистки отличаются от лесбиянок? Первые борются за то, чтобы женщина была сверху, а вторые – чтобы снизу тоже была женщина".

Что же касается именно женщин-ученых, которые в начале 1990-х годов продемонстрировали способность к объединению, то перед ними патриархатно-ориентированное мужское академическое коммюнити постаралось поставить давно зарекомендовавший себя в андроцентристских сообществах барьер "двойной связанности" (*double binding*). Состояние "двойной связанности" женщины-профессионала знакомо многим

женщинам-ученым: те, кто пожелает усилить свои профессиональные позиции, будут выставлены еще большим "синим чулком", а те, кто может использовать свою женскую привлекательность, осмеиваются как ищущие способы устроить личную жизнь и потому могущие окончательно попрощаться с надеждой быть признанными как компетентные сотрудницы, ученые.

По-своему показательно в этом контексте замечание одного коллеги, прослушавшего доклад на секции "Женские и гендерные исследования" на обычном социологическом форуме (это замечание, кстати, быстро фольклоризировалось: "Кажется, до 40 лет женщины активно занимаются сексом, а после 40 – гендером" (Архив автора. 14 июня 1999 г. Форум по теории и методологии истории. Таруса).

В приведенной фразе – не только сексизм и имперсонализация (всех женщин "до 40" и "за 40" объединяют, без каких бы то ни было различий и особенностей), но и эйд-жизм (стремление унижить женщин "после 40", а ведь именно в этом возрасте наиболее активные из женщин и достигают наибольших профессиональных высот). И такое положение, с которым женщины-ученые, даже самые успешные (защитившие докторские до 40 лет), парадоксальным образом готовы эссенциалистски соглашаться как с неизбежным и непоправимым, постоянно воспроизводится. Это происходит, понятное дело, не столько по злему умыслу мужчин-ученых, сколько безо всякого умысла мужчинами и самими женщинами, полагающими очевидно сексистские анекдоты допустимыми, иногда – остроумными. Приведу текст тоста, записанного мной после защиты докторантом диссертации. "На вершине приморской скалы сидят рядом сильная, гордая чайка и ма-аленький серый воробушек. Чайка взлетает и быстро летит в сторону горизонта, воробей следом, тяжело дыша, машет крыльшками, еле поспекает. Полетав, чайка вновь приземляется на скалу. Воробей – плюх рядом, еле дышит. Чайка горделиво смотрит по сторонам, вновь взмахивает большими крыльями и вновь летит. Воробей за ней:

– Чайка, чайка! А куда... мы... летим?

Та в ответ, задумчиво:

– Да кто ж знает...

Так выпьем за послушных учеников и неутомимых научных руководительниц!" (Архив автора. 17 июня 2005 г. Институт российской истории РАН. Москва).

В обыденности, вероятно, может бытовать и "перевертыш" этого анекдота, с героем-мужчиной (научным руководителем) – с более жесткой лексикой, вызывающей больший комический эффект (*Вернер* 1999). Возможна и гендерно-нейтральная форма (с двумя героями/героинями одного пола). Однако в "женском" варианте смешным должно казаться именно то, что научная руководительница не в силах сама понять, в какую именно область знания она ведет "полетать" своего ученика, т.е. высмеивается именно непрофессионализм женщины-ученой. В то же время, с точки зрения типичности/атипичности данного фольклорного текста, этот – весьма показателен. Неожиданная концовка, фикциональность (метафорическая нереальность типа коммуникации между аспирантом и научной руководительницей) – все, что обычно "требуется" для успешной фольклоризации текста (*Шмелева, Шмелев* 2002), – тут налицо. Следовательно, бытование и дальнейшее распространение тоста обеспечены. Сравним его с текстом анекдота:

"Женщина-профессор: – Я еду в Москву, мне нужна дискета... Ей ее дают, она складывает дискету вчетверо. – Что же вы делаете? – Так диск-то гибкий!" (Анекдоты из Интернета).

Комический эффект непонятливой (и очевидно, отставшей от прогресса науки) профессорши призван подавить интеллектуальное превосходство этой более статусной (по сравнению с рассказчиком) женщины. Значимость женского научного участия андроцентричной речевой культуре удается нивелировать и через тексты анекдотов с

явным или латентным сексуальным подтекстом (и это при том, что сам феномен женщины-ученой настолько редок, что анекдотов о них почти нет).

Женщины-ученые подобны морским свинкам. Как морские свинки – и не морские, и не свинки, так и женщины-ученые – и не ученые, и не женщины...

* * *

Женщины-ученые – они как дирижабли. Кстати, когда вы последний раз видели дирижабль? (Вариант: Умные женщины – как дирижабли...).

* * *

Приходит мужчина в элитное ателье по пошиву нижнего белья.

– Мне нужны многослойные трусы... Ширинку смещайте на каждом слое – вправо, влево...

– И зачем вам летом многослойные трусы да еще со смещенной ширинкой?

– А у меня жена – научный работник, для нее важен поиск, а не конечный результат.

* * *

Женщина-паразитолог, глядя в микроскоп: – Что-то тебя, зараза, давно видно не было? (<http://cash4you.narod.ru/anekdoto/1656.html>)

В первых трех текстах женщина-ученый представлена объектно. Мужчина-рассказчик в первых двух скриптах присваивает себе право оценивать ее и как профессионала ("не ученый"), и как представительницу своего пола, не соответствующую предписанной ей обществом гендерной роли ("не женщина"). Во втором тексте рассказчик-мужчина, очевидно, намекает на редкость и "инаковость" по отношению к обычным женщинам женщин умных, ученых. В третьем случае осмеянию подвергается содержание труда ученых (научный "поиск"), но комический эффект усиливается от того, что, согласно традиционной гендерной роли, женщина должна ценить как раз "результат" больше "поиска" (иначе она не выполнит своей репродуктивной функции), и, таким образом, через текст анекдота снова обесценивается и как профессионал, и как женщина. В одном из чатов в Интернете комментарием к беседе о "слишком умной" жене-ученой служит ремарка: "Отсутствие чувства юмора – прямая дорога в науку" (Анекдоты форума "Город на Неве").

В теме чата, вызвавшей бурные дебаты, плохо или хорошо иметь жену, которая "до ночи на работе сидит", воспроизводится стереотипное убеждение в том, что женщины науки очень серьезны. Это убеждение, известное со времен комедии Мольера "Ученые женщины" (1672), равно как по знаменитым словам А.С. Пушкина: "Не дай мне бог сойтись на бале иль у разезда на крыльце / С семинаристом в желтой шали иль с академиком в чепце..." ("Евгений Онегин", гл. 3, строфа XXVIII), очевидно бытует в современном дискурсе.

Любопытно, что в последнем, четвертом скрипте женщина-паразитолог представлена активной стороной и не объектно, а субъектно (она – типичный активный актер). Чтобы обесценить ее активность, культурный стереотип воспроизводит образ обычной, домашней женщины, ждущей с работы вечно задерживающегося супруга, встречающей его словами: "Что-то, зараза, тебя давно видно не было..." и тем не менее не прогоняющей благоверного из ложного страха остаться одной: в нашей стране социальная роль замужней женщины престижнее социальной роли жены без мужа. Таким образом, анекдот о паразитологе коннотирует со старой байкой о ресторане "Домашний уют": «Ресторан "Домашний уют"! Здесь каждого посетителя встречают словами "Явился, не запылится!" и, ставя холодную, подгоревшую еду, говорят: "Жри, что поставила!"».

Обращу внимание на то, что все три текста анекдотов о женщинах-ученых относятся к постсоветскому периоду, времени третьей волны феминизации российской науки (Прокофьева и др. 2000; Проскурина 2002).

Первая волна – 1920-е годы – была связана с научной политикой советской власти и желанием преодолеть гендерную асимметрию в академиях наук; вторая – 1960-е годы – созданием дополнительных рабочих мест в академических институтах; третья – пост-перестроечная – с оттоком мужчин в более хорошо оплачиваемые сферы деятельности и отъездом их за рубеж. Занятость женщин в российской науке начала XXI в. – 33,7%, при этом в институтах гуманитарного профиля женщины составляют более 50% работников (*Куперитох*). Стоит заметить в этом контексте, что на рост числа успешных и обеспеченных и при этом одиноких женщин в академической среде в последние 10–15 лет (*Мирская, Мартынова* 1993: 693–700) "откликнулся", правда, весьма своеобразно, брачный рынок. Недавнее юмористическое объявление высмеивает эту ситуацию, одновременно фиксируя продолжающийся кризис маскулинности и условную готовность отдельных мужчин выполнять традиционные женские обязанности (те самые, что заставили Геракла сгорать со стыда, когда он был в плену у лидийской царицы Омфалы)⁷: "Одинокий, молодой, энергичный домработник ищет профессоршу и зарплату (желательно за пределами РФ)" (Форум "Russian Salt Lake City" 2004).

Очевидно, что успешная "профессорша", покупающая себе устанавливаемой ею зарплатой молодого "домработника", представляется рассказчикам не способной в силу тех или иных причин достигнуть успешности в домашней жизни обычным путем. Образ женщины-ученой в анекдоте – образ дамы в возрасте, очевидно некрасивой. Фольклорные тексты фиксируют факт сложности поиска спутника жизни для красивой и успешной ученой дамы (таких женщин мужчины боятся брать в жены, так как высок риск потеряться на их фоне, не оправдать социальных ожиданий быть на шаг впереди жены). Поэтому некрасивость женщин-ученых оказывается весьма эффективным аргументом, способным уничтожить интерес к тому, кто они, что говорят, думают и делают.

"Или хороший программист, или красивая женщина. И то, и другое сразу не бывает (Тихий Омут)

Умная и красивая – стерва.

Умная и страшная – философ. [Вариант: Умная и страшная – ученый]

Глупая и красивая – легкая добыча.

Глупая и страшная – обычная женщина" (Суперанекдот).

Женская телесная красота в прошлом и настоящем – это тактическая возможность социальной интервенции (*Наум-Грапп* 2006) (говоря по-русски, словами знаменитого русского лирика С.Я. Надсона, "красота – это мощь, это сила и бог, / Бог, достойный и жертв и молений!" – *Надсон* 2001: 214). Поэтому женщин первой категории анекдот припечатывает как бесперспективных агентов коммуникации (только мазохист может получать удовольствие, контактируя со "стервой"), а интересующих нас женщин второй категории – философов, ученых – обозначает как не имеющих шансов на брачном рынке в силу "некрасивости". В приведенном скрипте "умненьких и страшненьких" депривируют дважды: отталкивающая внешность приписана носительнице того гуманитарного знания, которое считается "самым неженским", – философии. В отличие от литературоведения, искусствоведения, изучения прошлого, философия – поле неравной борьбы за сохранение мужского доминирования. Но в сравнении с иными, "настоящими", науками, философия – если судить по фольклору научных работников – проигрывает: "Если вы понимаете, что написали и можете доказать это – пошлите в какой-нибудь математический журнал! Если вы понимаете, что написали, но не можете доказать это – пошлите в журнал по физике! Если вы не понимаете, что написали, но можете доказать это – пошлите в журнал по экономике! Если вы ни хрена не понимаете, что написали и не можете доказать это – пошлите в журнал по философии".

Вот именно в такой, очевидно, второстепенной сфере науки (по сравнению с физикой) женщине и уготовлено скромное местечко: "Умная и страшная – философ"... Для подтверждения приведу пример из сетевого форума, где обсуждается тема феминизации науки в РФ.

«Симпатичный незнакомец. При словах "женщина-ученый" вспоминается мне сразу хроника, на которой Мария Кюри варит в котле радий, просто светящийся от радиоактивности, да еще помешивает лопаткой. А у самой вид – фильмы ужасов отдыхают...

Михалыч. Да, все они страшны, как бродяги. Не пойму, то ли в науку идут женщины, которые поставили на себе крест, то ли наука накладывает на них такой отпечаток...

АБВатель. Посещал тут недавно курсы. Очень даже здорово научные. В академии. Из всех читающих лекции 90% – женщины. Из всего, что я с этих замечательных курсов вынес, только 10% применимо на практике. Остальное словоблудие и перетерминологизация очень старых и известных (мужских) работ.

Симпатичный незнакомец. А мне иногда представляется такой гротеск: блондинка с воооот такими титками, волосами и ногами – и при этом доктор философии. Представляете себе такого Канта или Лейбница? "А сейчас миссис Гоббс представит нам в тезисах своего ЛЕВИАФАНА!". И тут, подло виляя бедрами, выходит за кафедру блондинка и ко всеобщему поражению читает "Левиафана". Можно такое представить? Русского мужичка в косоворотке вполне можно представить доктором исторического материализма. Женщину – никогда» (Форум на dezhufov.ru).

Итак, вернемся, к двойной дискриминации некрасивых женщин, попавших в научную среду. Чем женщина умнее, тем "на лицо ужаснее" – таков стереотип, давно известный, и не только московской фольклорной городской культуре:

- "Подари мне фотку твоей профессорши!
- Зачем она тебе?
- Я ее в буфет поставлю, чтоб брат за конфетами не лазил".

Поскольку в области физико-математических наук женщине особенно трудно добиться успеха в конкуренции с мужчинами (*Шишонок, Шишонок* 2004: 233) (и даже Лоренс Саммерс, профессор экономики, ректор Гарвардского университета в США – бывшего одним из самых продвинутых по части "гендерного равенства" – всерьез утверждает, что у женщин врожденные способности к естественным наукам отсутствуют) (*Война* 2005), постольку русский анекдот в иносказательной форме лишний раз подчеркивает, что в этой профессиональной нише даже хорошенькой дурочке удержаться нелегко. А уж те женщины-физики, которые все-таки добились признания в этом "очень мужском" мире, – страшнее самой Бабы Яги.

"Встречаются Баба Яга с Еленой Прекрасной и выясняют, что обе поступили в МГУ. Баба Яга спрашивает Елену Прекрасную:

- Ну и как ты?
- Елена Прекрасная отвечает:
- Я на филфаке. Не самая красивая, зато самая умная. А ты как?
- А я на физфаке. Не самая умная, зато самая красивая".

Бытование анекдотов с негативной оценкой "женскости" успешных научных сотрудниц, даже когда они представляют гуманитарное знание ("Мужчина-филолог – не ученый, женщина-филолог – не женщина") дополняется текстами коротких баек, жестко ставящих "на место" всех женщин-ученых, которым с внешностью все же повезло. Внешне яркая молодая сотрудница оценивается научным сообществом, состоящим преимущественно из мужчин, прежде всего как сексуальный объект – вполне согласно с притчей советского времени, обесценивающей умение женщин обращаться с представителями высших эшелонов власти: "Вперед лобком идет в обком".

Ситуации, когда женщины-ученые "вперед лобком" идут в большую науку, вовсе не представлены в воспоминаниях, биографических интервью, зато ими пестрят сборники

ки анекдотов, сайты в Интернете. Невозможно себе представить гендерный "перевертыш" анекдота об аспирантке – он адресован мужчинам-ученым, а молодые "завоевательницы" научных высот (аспирантки) заранее направляются в желанное для мужского сообщества (но, скорее всего, нафантазированное) русло "достижений через постель": «Чем отличается хорошая аспирантка от очень хорошей? Хорошая каждое утро говорит: "Доброе утро, шеф" ("Доброе утро, господин профессор"). А очень хорошая нежно шепчет на ухо: "Уже утро, шеф..." ("Уже утро, господин профессор")».

В известной степени подобные тексты отображают типично мужской страх конкуренции с противником противоположного пола, обладающим символическим капиталом, которого мужчине никогда не обрести, не купить. Этот капитал – женская сексуальность (Анекдоты про специалистов: 41838):

"Профессор – жене:

– У меня будет писать диссертацию новая аспирантка!

– Господи! Надеюсь, не такая глупая кукла, как в прошлом году?

Дочка профессора:

– Папочка, а она закрывает глазки, когда ты кладешь ее на спину?⁸

"Тривиализация феминности", против которой выступала еще в конце XVIII в. Мэри Уолстонкрафт, вкупе с осуждением женского интеллектуального честолюбия, высмеиванием "синих чулок" среди женщин науки – испытанный, стереотипический путь воспроизводства устоявшегося и противодействия новому.

Помимо отсутствия чувства юмора и некрасивости еще одной характеристикой ученой женщины (отрицательной, разумеется) в анекдотах предстает ее занудство.

"Милиционер: Простите, куда это вы спешите с таким деловым видом в два часа ночи? Подозрительный прохожий: На лекцию. Милиционер: На лекцию? И кто же, интересно, читает лекцию в два часа ночи? Прохожий: Моя жена. Она у меня профессор" (Психея).

Жена-профессор (не профессорша)... По-своему показательно, как упорно сопротивляется русский язык – сексистски-ориентированный во множестве проявлений – введению женских форм существительных (женские формы от слов "врач", "директор" еще "впускаются" в профанную речь, но женские формы от слов "доцент", а тем более от редуцированных "завлаб", "член-кор" оказываются вовсе невозможными). И уже самим женщинам они кажутся странными, непривычными: «Профессор и доктор существуют только в мужском роде. А "истеричка" – в женском. Профессорша звучит, согласитесь, не очень-то уважительно (? – Н.П.). К тому же, как говорят филологи, значение затемнено: то ли речь идет о жене профессора, то ли о женщине-ученом» (Абдуллаева 2000: 4).

Действительно, работа в системе академической науки – одна из тех явно маскулинных отраслей профессиональной деятельности, в которой женщина-агент маркируется именно как представительница своего пола (аналоги: космонавтика – "женщина-космонавт", военное дело – "женщина-генерал"), чье появление в мужской сфере деятельности аномально, маргинально, девиантно, скандально. "Учительница", "акушерка", "поэтесса" звучат приемлемо, так как суффикциальная форма существительного сконструирована от привычных сфер женской работы (обучение, родовспоможение, написание стихов), а "профессорша", "доцентша", "член-коррша" звучат комично (Ландер).

Сексистские основания просматриваются и в современных присказках (появившихся отнюдь не во времена хрущевской "оттепели" и выхода книги "Физики шутят", а именно в 1990-е годы): "Женщины-биологи напиваются до потери пульса, женщины-математики – до бесконечности, женщины-химики – до потери реакции, женщины-физики – до потери сопротивления" (Интеграл-портал). "Женщина-ученый – что зеленая лошадь: вещь интересная, но никому не нужная" (Вариант: "Женщина-физик – что зеленая лошадь, явление редкое, но никому не нужное") (Истории и анекдоты).

Как продолжение этих присказок выглядит часто повторяемый мужчинами на конференциях по феминистской и гендерной теории (как областей очень сложного для неподготовленного слушателя философского знания) вопрос: "Зачем вам гендер? Вы же замужем...".

Такой стереотип легко распространяют сами женщины из числа научных работников ("Гендерный подход в науке – выдумки обиженных женщин. Женщин-ученых поддерживать не надо, если только они не попали в беду" – *Дежина* 2004: 7); мужчины, считающие себя продвинутыми аналитиками ("Самое тяжелое, быть может, состоит в том, что феминизм, который боролся за равные права мужчин и женщин, стал сегодня инструментом, с помощью которого женщины хотят добиться главенствования в обществе – и вместо одной несправедливости, как бы создать другую" – *Швыдкой* 2005), нестатусные научные работники – мужчины ("Феминизм – это движение обиженных баб") (Подольский городской форум).

Очевидно, что кому-то "нужной" традиционная (точнее, неопатриархатная) культура выставляет метафорическую антагонистку женщины-ученой, а именно: женщину без ученых степеней и званий, потому что она "просто женщина". Ей не нужен эпистемологический туман и дискурсивный хаос дискуссий о постмодерне: она "проще" и потому "нужнее", она понятнее, когда сводит к шутке вопрос о близости признания ее научных заслуг: "Тебе не пора защищаться? – Только когда нападут!" (Из разговора аспиранток в здании Президиума РАН).

"Нестатусные" женщины (обычные научные работницы, не являющиеся лидерами или основательницами направлений, не имеющие научных школ и т.п.) куда толерантнее к идее зарубежной материальной помощи российской науке, больше верят в бескорыщность зарубежных спонсоров, чаще говорят о собственных заработках, нежели о выживании проблемного направления. В этом проявляется обычное следствие социализации женщин – социальное иждивенчество. Среди мужчин того же круга "болеющих" и "радеющих" за приоритет российского научного знания в 2 раза больше (Россия в зеркале реформ: 1993; *Юревич* 2000: 146), что также связано с традиционной мужской гендерной ролью (мужчины обычно категоричнее, скептичнее и увереннее в своих суждениях, чем женщины).

Не буду приводить тексты анекдотов, высмеивающих женщин-ученых как "недоучек", именующихся профессионалами, а также тексты с сексуальными коннотациями⁹: в них проявляется обычный для доминирующей культуры (а доминирующей в большинстве стран Европы и Азии остается культура мужская) дискурс превосходства (Анекдоты про работу). Вот лишь самый невинный из текстов: "В НИИ на постоянную работу требуется опытный ведущий специалист (можно женщина), а также опытная женщина (можно ведущий специалист)..." (Информационно-развлекательный портал Сибири)

По комментариям в чатах можно видеть, что обсуждают подобные тексты опять-таки мужчины. Мужская культура, коей является система научной организации в нашей стране, всячески эксплуатирует воспитанную педагогическими стереотипами женскую исполнительность, трудоспособность, дисциплинированность. Между тем успешные женщины-ученые практически во всех своих рассказах о себе акцентируют мотив жесткого, ответственного отношения к делу, необходимости самодисциплины для достижения цели¹⁰. "В науке же очень важна постоянная тренировка ума, так же как в спорте мускулов. Если ты на какое-то время выпадаешь из этой колеи, трудно вернуться обратно..." – утверждает в интервью женщина-физик (*Васильева* 1999). Но в женских биографических сценариях такие "тренировки" становятся обыденностью настолько, что теряется перспектива. Женским трудолюбием и прилежанием объясняется то, что женщин – научных сотрудников без ученой степени в современной РАН – 52%, младших научных сотрудников (или, как еще расшифровывают теперь

аббревиатуру "мнс" – *мало нужных сотрудников*) – 57% (Наука России в цифрах. 2000: 172).

Ни в одном из мужских биографических интервью, взятых нами у тех, кто ныне считает себя в науке профессионально успешным, не встретилось упоминаний о том, что кто-то из мужчин начинал свою работу с должности технического лаборанта или секретаря сектора, перепечатывавшего чужие статьи или отсиживавшего часы у телефона. У большинства же респондентов – это самый обычный путь. Он длился меньше или дольше и уступал место второму этапу, когда наличие каких-то преград не особо замечалось, – этапу подготовки кандидатской диссертации. Независимо от того, умели или не умели конкретные женщины после защиты кандидатских сказать что-то о своих амбициях, выразить свои надежды на должностное продвижение (столь типичное для карьеры мужчины–доктора наук) – их успехи как защитивших докторские равным образом "не замечались".

Новоявленных женщин–докторов наук – не вводили в экспертные, ученые советы и редакционно-издательские советы, не премировали за издание или внедрение внеплановых работ, не поощряли оплаченными командировками. Отмечу здесь, что и тексты анекдотов сохраняют и воспроизводят ситуацию адюльтера лишь в анекдотах, начинающихся словами "Вернулся муж из командировки...". Жены из командировок не возвращаются, только с курортов, что – как стереотип – оказалось "вброшенным" в детскую литературу, достаточно вспомнить маму "дяди Федора" из мультфильма "Каникулы в Простоквашино".

Такое сдерживание должностного роста профессионально успешных женщин сопровождалось и сопровождается ныне практически в любом институте РАН предпочтениями начальства в адрес безынициативных сотрудниц, которые мало что вносили и вносят в большую науку, зато хорошо справляются с функциями младших менеджеров. Многие женщины в академическом сообществе и сами "наверх" не стремятся, считая свои обслуживающие мужчин функции нормальными. Традиционные гендерные роли (мужчина–кормилец, женщина – хранительница семейных устоев) предполагают домашние обслуживающие функции женщины (уборщица, повариха, воспитательница, врач, психотерапевт). Ситуация в РАН продолжает, таким образом, и подкрепляет традиционную патриархатную схему. На низшем уровне академической науки, там, где востребованы исполнительские таланты (те самые, что продолжают обслуживающие функции женщин), "прекрасного пола" предостаточно: "Девушка, у вас такие длинные пальцы... Вы на пианино играете? – Нет, пробирки в институте мою..." (Из шуток команды КВН Донецкого университета, осень 2003 г.).

Скрытое в глубине души убеждение, что женщина в науке может и должна быть именно хорошим исполнителем, но не творцом, не методологом, не теоретиком (имеющее многовековые корни, в том числе в идеологии Просветительства¹¹) воспроизводится сейчас прежде всего, конечно, мужчинами. Приведу пример размышлений участника одного из сетевых форумов после конференции в Российском государственном гуманитарном университете: "Женщины – очень честные научные работники. Они всерьез разрабатывают целые направления, доводят до ума мужские открытия, но не создают ничего принципиально нового. Каждый год феминизированная наука раздражается очередной тысячей честных сочинений о приставках и суффиксах, в то время как концептуально новые работы появляются до крайности редко. И точно – сколько я ни слушал докладов ученых женщин, все были честные и скучные" (Форум на dezhurov.ru).

Впрочем, с такой оценкой места женщины в науке парадоксальным образом согласны и сами женщины-ученые. Согласно множеству соцопросов, большинство опрошенных (в общей сложности 67%) полагает, что *управлять*, в том числе в сфере науки, должны все-таки мужчины (Егорова 2001: 16). В скрипте известного многим поколениям научных сотрудников застольного тоста, звучащего после защит, присутствуют два актора, и оба мужского пола:

"Сидит заяц на пенке, что-то пишет. Лиса ему:
– Что пишешь, заяц? – Диссертацию. – О чем? – О том, как зайцы лис едят. – Где ж ты такое видел? – Пойдем, покажу...
Ушли. Затем заяц опять сидит и пишет. Бежит волк, говорит ему:
– Что пишешь, косой? – Диссертацию о том, как зайцы волков едят. – Да ты с ума сошел? – Пойдем со мной, покажу кое-что...
Следующая картина: заяц пишет, подходит медведь.
– Что пишешь? – Диссертацию о том, как зайцы медведей едят. – Да где такое видано? – Пойдем, покажу кое-что... Картина последняя: пещера, гора лисьих, волчьих, медвежьих костей. В середине, обглаживая кость, лежит лев.
Мораль: важна не тема диссертации, важно, кто твой научный руководитель! За него и выпьем!"

Гендерная инверсия (по крайней мере, в отношении главного героя) явно невозможна, поскольку статусных женщин мало, и они вряд ли делают погоду в науке. Да и в самом звучании замена "льва" на "львицу" была бы неорганична.

Каков же механизм ретрансляции убеждения в том, что женщины на высших научных должностях – не более, чем нонсенс? На первый план тут выступают процедуры интерпретаций – скрытые неререфлектированные механизмы социальной коммуникации между учеными с учетом гендерной асимметрии изучаемого сообщества. Научное сообщество – поле социального взаимодействия, поле отношений неравных, подвижных сил – мужчин и женщин, занимающих разные позиции в должностной иерархии. При этом какую бы позицию ни занимали женщины (от лаборанток до директрис), они, несмотря на уровень зарплат (иногда нищенский), во всех анкетах и опросах все-таки подчеркивают, что "удовлетворены своей работой" (свыше 90% ответов) (*Егорова* 2001: 16; *Троян* 2002). Ясно, что под удовлетворенностью работой они понимают не удовлетворенность зарплатой, должностями, оценкой их научных достижений, а возможностью заниматься творческим трудом, иметь достойное окружение образованных людей, ценят наличие свободного времени. Нельзя забыть и того, что функции женщин в науке сформировались (традиционно) как функции обеспечения "тыла" для своих мужей или начальников. Изумительным образом эта навязчивая для научного сообщества идея переносится из домашних мечтаний в обстановку приватности на рабочем месте, а таковая создается на банкетах после защит. Пример тому – собранные нами застольные тосты и здравицы.

"Здание науки поддерживается не только атлантами, но и кариатидами – женами ученых мужей. Нежные ручки таких женщин не уступают сильным мужским рукам, жены ученых заботятся о мужьях, морально поддерживают, обеспечивают их погруженность в науку и свободу от несущественного. Что было бы с наукой, если ученым пришлось погрязнуть в мелочах быта? Выпьем же за кариатид здания науки!"

"Двигайте и дальше науку и ваших мужей к новым рубежам!" (Тосты после защит).

Безвозможность жен истинных творцов науки (мужчин), их (а также женщин-коллег по работе) примысленную ориентированность лишь на сексуальную удовлетворенность демонстрирует серия других, схожих с приведенным выше, тостов.

"Говорят, настоящий ученый тот, кто полностью отдает себя науке. Однако мы, женщины, считаем, что настоящий ученый тот, кто отдает себя двум наукам – своей и науке страсти нежной. Выпьем за настоящих ученых!"

* * *

"Ученый-теоретик утверждает, что чудес не бывает. Ученый-практик творит с практикантками такое, что приходится признать: чудеса случаются в наши дни. Так выпьем за ученых практиков!"

В приведенных скриптах обозначена не только жесткая объектность женщин, но и четко прописанная исключенность инверсии гендерных ролей. Согласимся, невозможно вообразить себе, что первый или второй тост (в обоих говорится о "настоящих

ученых", "ученых-практиках") будет обращен к женщинам, умеющим отдаваться и своей науке, и науке страсти нежной, и уж тем более "творить чудеса" с аспирантами или практикантами. Двойной стандарт оценки нормы в поведении мужчин и женщин в приведенных записях очевиден.

В повседневной экзистенции институтов научного сообщества (от лабораторий до отделений РАН) явственно различаются властные и коммуникативные формы межличностных и межгрупповых взаимодействий, которые часто именуют "вертикальными", когда речь идет о властных интеракциях, и "горизонтальными", когда речь идет, соответственно, о формах общения (см. Тосты после защит).

Властные отношения и действия хорошо поддаются формализации и изучаются традиционными социологическими методами, поскольку зафиксированы в правилах, полномочиях, обязанностях, статусах и санкциях (Доблаев 1995: 145–146). Приведенные выше фольклорные тексты уже показали: во властных интеракциях женщины постоянно находятся в незавидном второстепенном положении вследствие структуры социальных ожиданий и особенностей социализации женщин, которые ориентируют их прежде всего на ценности внепубличной сферы.

В основе же "горизонтальных", коммуникативных действий лежат не волевые усилия, а способность аккумулировать полезную и ценную информацию, обмен которой мотивирован внутренним интересом и готовностью к деловой активности. Прямой контроль и надзор за распространением информации и налаживанием коммуникаций в любой организации затруднителен, а в академическом сообществе с его ненормированным рабочим днем и редкими "присутственными днями", а также с его постулированной свободой мнений, – тем более. Коммуникация формализуется труднее, чем властные отношения, но именно в области коммуникативной женщины в научном сообществе могут проявить себя и свои таланты, а иногда, в кризисной ситуации, предложить неизбитые формы повышения личного социального статуса или даже спасения дела (доведения проекта до логического результата, издания монографии и т.п.).

В одном тексте застольного послезащитного тоста – при очевидной поляризации гендерных характеристик участвующих в ней акторов-зверей, лисица выступает, как и во всем русском традиционном фольклоре, носительницей "женской" роли – встретилось скрытое восхищение женскими талантами (но, отметим, не талантами женщин как ученых, а их талантами к созданию сети связей и отношений, в том числе в научной среде):

«Лев сидит, пишет что-то в блокноте, рядом заяц пробегает. Лев к нему: "Ты кто?"

– Я – заяц.

– Так, записываю, за-яц. Завтра придешь ко мне, я тебя съем.

Заяц плачет, убегает, а Лев все пишет. Мимо волк бежит. Лев к нему: "Ты кто?"

– Я волк.

– Так, записываю, волк. Завтра придешь ко мне, я тебя съем.

Волк уходит. Мимо – лисица. Лев к ней: "А ты кто?"

– Я лисичка.

– Так, записываю, ли-сич-ка. Завтра придешь ко мне, я тебя съем.

– А можно не приходиться?

– Можно. Вычеркиваю!

Так выпьем за женщин в нашем НИИ (вариант: "За женщин на факультете!"), которые всегда знают, как ладить с начальством!»

Андроцентричное научное сообщество, однако же, ориентировано на признание успехов именно в привычных формах: количество изданных работ, индекс цитирования, количество защитившихся аспирантов и докторантов и пр. Талант ладить с администрацией предстает женской изворотливостью (как всегда, в текстах русских сказок приписанный лисице) – той, что направлена на достижение личной безопасности. Так

что культура и тут "играет на понижение" в отношении всех неординарных форм женского доминирования в научной среде.

В ситуациях, когда женщина-ученый является женой не ученого, а скажем, бизнесмена, ее "ученость" – дополнительное украшение, некая "розочка" на индивидуальности ее обладательницы¹². Женщина, работе которой присуждена научная степень, – источник повышения самооценки и привилегированности положения мужа этой "кандидатки в доктора" (В. Высоцкий). Супруг такой ученой дамы, – по сути, символический совладелец или даже просто владелец ее талантов, которыми он не прочь похвалиться при случае (если, конечно, муж и жена не одной специальности), в этой ситуации знак меняется на противоположный, и мужчина очень ревностно относится к успехам жены, что подтверждают скрипты биографических интервью – причем не только в России (Интервью с М. Линковой, 2003 г.).

Как и мужчины-сотрудники академических НИИ, женщины-ученые включены в такой ритуал научной повседневности постсоветского времени как борьба за гранты. Это соперничество разнообразит быт тех, кто традиционно связывает свои профессиональные интересы с наукой. С момента появления у нас фондов и центров финансовой поддержки, жизнь алчущих спонсорства ученых людей воистину связана с календарным циклом: в начале лета до 2005 г. принимались заявки фонда Макартуров, в конце года – Американских советов, Фонда Спенсера, а, скажем, к концу сентября нужно сдать заявки в РФФИ и РГНФ. После подачи заявки ритуал вступает в новую стадию – многомесячное ожидание. Катарсис в финале дано испытать немногим, и они включаются в ритуалы следующего цикла – написания годовых отчетов. Формально каждая заявка, каждый отчет пишутся инициаторами проектов. Но поскольку для лучшей "проходимости" заявок во главе проектов стараются поставить статусных сотрудников, постольку на долю женщин (как менее статусных и чаще занимающих исполнительские должности) приходится как раз рутинная работа. Этот ритуал научной повседневности оказывается, таким образом, гендерно-маркированным и отображает содержание давно, еще в советское время известной (Кон 2001: 96) шутки: "Наши женщины могут выполнять любую, даже самую тяжелую работу, но под руководством мужчин".

Неформальные, неинституциональные формы взаимодействия женщин и мужчин в научных группах (от лабораторий до центров), отразившись в текстах интервью, выявляют сложное поле их взаимоотношений, в которых формальные "погоны" (должности, звания) не играют ведущую роль. Зато неожиданное для аналитиков-"количественников" значение приобретают области нерелексивной жизнедеятельности людей (шаблоны их поведения, инвариантные речевые структуры, дискурсивные практики), например, ритуалы "присутственных дней", в том числе совместных чаепитий.

Респондентки указывают на обыденность желаний руководителей подразделений (сектор, лаборатория, отдел) представлять их некими инвариантами семей с несколькими поколениями, сложными отношениями и иерархиями под водительством мудрого "главы семьи". (Любопытно, что завотделами аспирантуры и докторантуры – как правило, женщины – представляются в этом раскладе как заботливые "институтские мамы".)

Поскольку традиционная русская семья имела патриархальные основания и патерналистские отношения за 70 лет советской власти пронизали и государственные структуры, и структуры общественные (о чем написаны сейчас уже горы литературы; см. напр.: Verdery 1996: 9), постольку "научная семья" не могла сложиться иной. В секторальных отношениях – вне зависимости от того, кто возглавляет сектор: мужчина или женщина, – господствует типичная для патриархальных структур иерархичность. Завотделом не станет первым резать еду к чаю и мыть за всеми ушедшими чашки, когда кончается присутственный день. Ритуалы общения жестко иерархизированы: к старшим по статусу обращаются на "вы" (за исключением однокурсников, людей одного возраста и тех, кто привык к неформальному общению в экспедициях).

Любой сотрудник НИИ знает, насколько важной частью повседневности ученых являются конгрессы, конференции и иные типы научных встреч, позволяющие вести обмен мнениями. Резкое сокращение таких встреч в конце 1980-х – начале 1990-х годов (пока не появились фонды) еще свежо в памяти научных работников. Это было время, когда женщины-ученые (в известном смысле воспроизводя типичные для традиционных отношений "семейные сети") стали организовывать встречи "для своих" (входивших в организации "демократически озабоченных бабищ", как их немедленно припечатали прозвищем. – Как мимолетное виденье 2002). По сути это было женское "тайное" и "мягкое" руководство и управление, не очевидное для рациональности и с трудом поддающееся пониманию (в отличие от легитимно-открытой и в идеале правовой власти мужчин). Отсюда – вброшенный андроцентричным научным сообществом термин "кочующий", или *номадический, феминизм*, отражающий сложившуюся в те годы реальность – частоту приездов друг к другу в университеты и на конференции исследовательниц женской истории, гендерной теории.

"Конференции позволили людям, близким по духу и настроениям, обсудить интересные их темы на понятном друг для друга языке. Часто между ними завязывались дружеские связи. Наши научные дамы стали ездить друг к другу в гости читать лекции. Кто-то отправлял своих студентов в аспирантуру другого вуза...." (математик, 51 год) (Как мимолетное виденье 2002).

«Ой, я очень хорошо помню, как в начале 1990-х одна такая профессорша из провинциального вуза, имевшая старые, еще с "комсомольских времен", наработки по связям в администрации своего города, стала проводить конференции "для своих". Нас тогда из Москвы возили одной машиной – помещалось 4 человека – и это было дешевле, чем оплачивать всем поезд туда и обратно. Хорошее было время! Тогда масса контактов завязалась. Хотя позже стали говорить о том, что это – "геттоизация", все только для "наших" ...» (социолог, 46 лет) (ЖУБР 12).

* * *

Подведем некоторые итоги.

Анекдоты и иные юмористические нарративы о женщинах-ученых, бытующие в современном городском фольклоре, – это гибкий, семантически богатый, образно-насыщенный и достаточно распространенный (хотя и не универсальный) способ реакции на развивающуюся ситуацию все большего присутствия женщин в академической среде. Анекдоты и застольные тосты, касающиеся женщин в науке, отличаются качественно и количественно в общей генеральной совокупности фольклорного материала высоким параметром предикативности – количеством и местом (анекдот всегда начинается с глагола) глаголов в тексте. Это указывает на высокий уровень обобщенности суждений, пластичности мыслительных процессов, на наличие временной перспективы, а также на высокую императивность (Цветкова 1999: 15).

Давно известно, что женщины подвергают услышанное (увиденное) ими "смешное" (юмор) более быстрому и скрупулезному анализу: так ими определяется уровень комичности, и они быстрее мужчин идентифицируют неостроумный материал (Ученые обнаружили. 2005).

Тексты приведенных анекдотов – концентрированное выражение "обыкновенного сексизма" – заставляют думать, что они рассказываются, как правило, в мужской или, как вариант, смешанной (гендерно-несегрегированная) компании и конструируют именно гомосоциальность, "мужское единство". Для мужчин подобные тосты и анекдоты – способ подтвердить аффилированность своей гендерной группой, испытывающей общий страх перед талантами, способностями, профессиональной удачливостью женщин.

Для женщин бытование проанализированных выше нарративов, сравнений, лексем и иных фольклорных скриптов, бытующих в научной, квазинаучной и ненаучной среде, имеет следствием латентную депривацию, связано со стремлением господствующей

щей гендерной группы закрепить за женщинами стереотипные социальные и гендерные роли. Чаще всего это роли неудачниц по жизни.

Вот почему смысл одной из известных и бытующей не только в академической среде фразы – "Если ты такой умный, то почему такой бедный?", – современный городской фольклор расширяет. Применительно к женщинам определение "бедный" означает в их случае не только материально необеспеченный, но и дискриминируемый (синоним – "несчастный"). Не потому ли среди 20% оптимистически смотрящих на перспективы развития российской науки не оказалось ни одной женщины (жалкая пятая часть респондентов обнаружила какие-то надежды, но женщин среди них не оказалось¹³)? Возможно, как раз потому, что женщины-ученые более дискриминированы и депривированы, нежели мужчины того же научного ранга.

При этом большинство женщин-ученых гендерную дискриминацию в своей профессиональной области отрицает. Они полагают, что дискриминируют не их, а "талант" ("Таланту всегда трудно, и талантливый человек не всегда владеет нужным уровнем социальной компетенции; пол же талантливого человека – фактор не столь уж важный" – ЖУБР 1).

В данной статье я коснулась лишь некоторых, самых очевидных примеров социальных практик, достаточно типичных для научного сообщества, деэвалюирующих значимость женского присутствия на высшем уровне научных иерархий. Разумеется, функции рассмотренных в данной статье анекдотов многоплановы и не сводятся к закреплению традиционных (как мы поняли, главным образом, сексистских) стереотипов. В известном смысле трудно не согласиться с тем, что любой анекдот выполняет подготовительные, в том числе социализирующие функции, предупреждая тех женщин, которые строят научные карьеры, что путь их будет сложен, – во всяком случае, труднее, чем у мужчин (Дмитриев 1996: 78–91). И все же прежде всего мне хотелось показать, что и в околонучном фольклоре, и в рассказах женщин о себе, и в некоторых собранных здесь ссылках на материалы прессы присутствует гендерное неравенство, механизмы воспроизводства которого скрыты в обыденной речи и понимании смешного. Собранные вместе и проанализированные, они подтверждают: проблема "обыкновенного сексизма" – отнюдь не выдумка феминистской антропологии, везде ищущей проявления гендерной асимметрии, но, к сожалению, еще одно из проявлений интолерантности в современном российском научном сообществе.

Примечания

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 04-01-00004а.

² Американский профессор, автор рецензии на книгу П. Бурдые "Homo Academicus", именно так поименовал направление работы выдающегося французского социолога (odd ethnography) (Varenne 1988: 263–265)

³ Термин "номический" введен классиками теории социального конструирования реальности, противопоставившими номические сообщества – аномическим, находящимся вне пределов социальной нормы (квир-сообщества, группы наркоманов, организованные преступные группировки и т.п.) (Бергер, Лукман 1995).

⁴ Методологический принцип "истории, написанной снизу" стал лозунгом большого научного направления – "истории повседневности" (Lindquist 1984: 295–305).

⁵ Сексизм – это идеология и практика дискриминации по признаку пола, основанная на том, что женщинам (реже – мужчинам) ложно приписываются (или отрицаются) определенные качества (Денисова 2002: 200–201). Как и порнография, сексизм бывает жестким, мягким, традиционным, он глубоко укоренен в культуре и обществе, в нашем сознании; сексистские стереотипы усваиваются в процессе социализации с раннего детства. Казалось бы, люди с высшим образованием должны легко его распознавать и определять, но чаще он не замечается, в том числе в неформальной обстановке. Сексизм аналогичен расизму.

⁶ Анекдот (греч. "неизданное") – первоначально произведение, не получившее огласки; в современной речи – жанр малой устной формы, короткий занимательный рассказ с неожиданным

развитием сюжета, статус героя которого "снижен" путем острого вещественного приближения читателя к чему-то запретному (Маслова 1928: 73).

⁷ Лидийская царица Омфала в наказание за убийство учредителя Олимпийских игр Ифита заставила убийцу – Геракла – три года служить у нее, выполняя женскую работу (Геракл прят) (Пушкарева 2005: 575).

⁸ Аналогичные записанным нами текстам есть в Интернете, но там актерами являются героини-секретарши. Ср., напр.: «Из НИИ увольняют научную сотрудницу. Она громко выражает презрение Директору НИИ: "Я с моими двумя университетами (показывает на груди), широким кругозором (обводит рукой бедра) и узкой специализацией (дотрагивается до талии) везде найду работу! А вы, с вашим мягким характером (согнутый палец) ни с кем не сработаетесь!"»

⁹ В некоторых текстах ситуация коммуникации между аспирантом и профессоршей, мнс'ом и начальницей отдела в НИИ может быть заменена на любые иные специальности и отношения между начинающим работу мужчиной и статусной женщиной. См., напр., текст анекдота:

Мужчина переводится из одного академического НИИ в другой.

– Почему вы ушли из того института?

– Там бардак.

– Ну и у нас тоже...

– Да у вас хоть б...ди посвежее.

¹⁰ Трудно здесь не вспомнить философскую мысль XVIII в.: "Ученая женщина сделалась таковой лишь потому, что смогла победить в себе многие слабости: следовательно – она особенно разумна" (Лабрюйер 1974: 75).

¹¹ "Женщины вообще лишены дарований. Они могут удачно делать маленькие работы, требующие сообразительности, порою даже способны философски рассуждать. Могут иногда приобрести научные знания, эрудицию, разные умения и все, что приобретается с помощью труда. Но охватывающий душу небесный огонь, испепеляющий гений... этого произведениям женщин будет всегда не хватать" (Руссо 1961: 149).

¹² Прямо в соответствии с тезисом философии Просвещения XVIII в.: " На ученую женщину мы смотрим как на драгоценную шпагу: она тщательно отделана, искусно отполирована, покрыта тонкой гравировкой. Это стенное украшение показывают знатокам, но его не берут с собой ни на войну, ни на охоту, ибо оно так же не годится в дело, как манежная лошадь, даже отлично выезженная" (Лабрюйер 1974: 75).

¹³ По мнению основной части научного сообщества, высказанному 10 лет назад, потеряно куда больше, чем приобретено. 76% российских ученых тогда считали, что положение дел в нашей науке значительно ухудшается, на улучшение ситуации надеялось только 20% и среди них ни одной женщины (Голов 1996: 20–28).

Литература

- Абдуллаева 2000 – Абдуллаева Ш. Нравы // Невское время. № 42 (2165). 4 марта 2000 г.
- Анашина 1999 – Анашина Г. Анекдот как концентрированное выражение ментальности // А.С. Пушкин и российское историко-культурное сознание. Вып. 1. 1999. С. 16–22.
- Анекдоты из Интернета – Анекдоты из Интернета // <http://love.kulichki.ru/aneq/rez.php3?&i=2&col=6&razdel=j>
- Анекдоты про работу – Анекдоты про работу // <http://хахаха.h1.ru/uniumor.php?fl=rabota&prage=2>
- Анекдоты про специалистов – Анекдоты про специалистов. <http://www.smex.ru/jokeview41838.html>, № 41864. <http://www.smex.ru/jokeview41864.html>
- Анекдоты форума "Город на Неве" – Анекдоты форума "Город на Неве" // http://www.gorodnaneve.com/portal/modules/newbb/viewtopic.php?topic_id=1082&forum=15
- Бауман 1996 – Бауман З. Мыслить социологически. М., 1996.
- Бергер, Лукман 1995 – Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М., 1995.
- Васильева 1999 – Васильева А. Женщины в науке и образовании (беседа с математиком Г.Ю. Ярошевской) // <http://www.owl.ru/win/womplus/1999/science.htm>
- Вернер 1999 – Вернер Д. Анекдоты из России. 1999 // <http://www.aneqdot.ru/an/an9910/z991011.html>
- Война 2005 – Война В. Может ли женщина быть Эйнштейном? // Коммерсант-Балтик. Аналитический еженедельник. 24.03 – 30.03.2005. № 24 (278).

- Гинзбург 2003 – Гинзбург В. Удельный вес прекрасной половины // Литературная газета. 2003. 8 марта. С. 8–9.
- Голов 1996 – Голов А.А. Наука и научные работники в сегодняшней России // Информ. бюл. мониторинга. 1996. № 1. С. 20–28.
- Дежина 2003 – Дежина И. Ищите, женщины! // Поиск. 2003. 5 марта. С. 5.
- Дежина 2004 – Дежина И. Феминизация науки – выдумка обиженных мужчин? // Поиск. 2004. 5 марта. С. 7–8.
- Денисова 2002 – Денисова А.А. Сексизм // Словарь гендерных терминов / Ред. А.А. Денисова. М., 2002. С. 200–201.
- Дмитриев 1996 – Дмитриев А.В. Детский анекдот: функция политической социализации // Дмитриев А.В. Социология юмора: Очерки. М., 1996. С. 78–91.
- Доблаев 1995 – Доблаев В.Л. Власть и коммуникации в организациях // Социс. 1995. № 6. С. 145–146.
- Егорова 2001 – Егорова Л.С. Гендерные стереотипы в управлении // Женщина в российском обществе. 2001. № 3–4. С. 16.
- ЖУБР 1 – Женщины-ученые Беларуси и России в постсоветский период (компаративное исследование социальной идентичности, 1991–2001). Скрипты интервью Пушкаревой Н.Л., Чикаловой И.Р. № 1. Записано 24.11.2005.
- ЖУБР 12 – Женщины-ученые Беларуси и России в постсоветский период (компаративное исследование социальной идентичности, 1991–2001). Скрипты интервью Пушкаревой Н.Л., Чикаловой И.Р. № 12. Записано 2.12.2005.
- Иваненко 2003 – Иваненко Л. Научная степень – по рейтингу // День. № 132. 2003. 1 авг.
- Интеграл-портал – Интеграл-портал // <http://dmitrenko.narod.ru/51/ane257.htm>
- Интервью с М. Линковой 2003 – Интервью с М. Линковой, координатором Национального контактного центра "Женщины и наука" // Радио Прага. 9 авг. 2003 г. (<http://www.radio.cz/ru/staj/43849>)
- Информационно-развлекательный портал Сибири – Информационно-развлекательный портал Сибири. НСО // <http://www.lybasha.ru/modules/anedkots/show.php?lid=142>
- Истории и анекдоты – Истории и анекдоты // <http://acd.al.ru/list/story2000/story01122000.html>
- Как мимолетное виденье 2002 – Как мимолетное виденье, как тень обманутой мечты // http://ddp-main.narod.ru/2002/nomer_25/polit_sex.htm
- Квале 2003 – Квале С. Исследовательское интервью. М., 2003.
- Кон 2001 – Кон И.С. Сексуальная культура в России. Клубничка на березке. М., 2001.
- Куперитох – Куперитох Н.А. Динамика численности женщин-ученых (на материалах Сибирского отделения РАН) // http://larn.hum.sbras.ru/?action=publ&emp=kna&publ_num=3
- Лабрюйер 1974 – Лабрюйер Ж. де. Характеры // Ларошфуко Ф. де. Максимумы. Паскаль Б. Мысли. Лабрюйер Ж. де. Характеры. М., 1974.
- Ландер – Ландер А. Жизненные стратегии на стыке идентичностей и практик: женщина – ученый – интеллигент // http://liber.rsuh.ru/Conf/Intellegence_practique/lander.htm
- Маслова 1928 – Маслова Е. К истории анекдотической литературы // Сборник статей в честь академика А.И. Соболевского (Сб. ОРЯС АН СССР). Т. 101. Л., 1928. С. 67–73.
- Мач 2006 – Мач В. Приезжает муж из командировки // Итоги. 2006. 9 янв. С. 46–50.
- Мирская, Мартынова 1993 – Мирская Е.З., Мартынова Е.А. Женщины в науке // Вест. Российской академии наук. 1993. Т. 63. № 8. С. 693–700.
- Муравьева 2005 – Муравьева М. Мы говорим гендерные исследования, подразумеваем... // Гендерные исследования. Вып. 13. Харьков, 2005.
- Надсон 2001 – Надсон С.Я. Прежде белые ночи весны я любил... // Надсон С.Я. Полн. собр. соч. Новая библиотека поэта. СПб, 2001.
- Наука России в цифрах 2000 – Наука России в цифрах: 1999. М., 2000.
- Наум-Грапп 2006 – Наум-Грапп В. Красивая женщина // История женщин на Западе. Т. III. Парадоксы эпохи Возрождения и Просвещения/Науч. ред. перевода Н.Л. Пушкарева. СПб., 2006.
- Подольский городской форум – Подольский городской форум // www.forum.podolsk.ru/view-topic.php?t=2409&postdays=0&postorder=asc&start
- Прокофьева и др. 2000 – Прокофьева Л., Фести П., Мурачева О. Профессиональная карьера женщин и мужчин // Вопр. экономики. 2000. № 3.
- Проскурина 2002 – Проскурина М.М. Феминизация науки как социологическая проблема // Социологические исследования. 2002. № 3.

- Психея – Психея. Виртуальный журнал психологического факультета Самарского ГУ // http://www.psycheya.ru/humour/ane_dia_10-02.htm
- Пушкарева 2004а – Пушкарева Н.Л. Феминистский вызов новейшей этнологии и антропологии // Этнограф. обозрение (далее – ЭО). 2004. № 4. С. 39–51.
- Пушкарева 2004б – Пушкарева Н.Л. Предмет и методы изучения истории повседневности // ЭО. 2004. № 5.
- Пушкарева 2004в – Пушкарева Н.Л. Отличие истории повседневности от этнографических исследований быта // Социальная история российской провинции / Ред. В.В. Канищев. Тамбов, 2004.
- Пушкарева 2005 – Пушкарева Н.Л. Расширенный комментарий // История женщин на Западе. В 5-ти т. Т. 1: От древних богинь до христианских святых / Под ред. П.Ш. Пантель. СПб., 2005.
- Россия в зеркале реформ 1993 – Россия в зеркале реформ. М., 1993
- Руссо 1961 – Руссо Ж.Ж. Избр. соч.: В 3-х т. Т. 1. М., 1961.
- Суперанекдот – Суперанекдот // http://superanekdot.narod.ru/m_zh/m_zh55.html NN501–510.
- Тихий Омут – Тихий Омут. Частный клуб Александра Экслера // <http://www.myj.ru/index.php?s=f2909a1e62c71daacbddea35a83e89262&showtopic=85677&st=0>
- Тосты после защит – Тосты после защит // http://cherry-d.sitecity.ru/itext_2403185623.phpml?p_ident=itext_2403185623.p_2503025622
- Троян 2002 – Троян В. Женщина и наука: подруги или соперницы? // Зеркало недели. 2002. 5 янв. № 1 (376).
- Ученые обнаружили 2005 – Ученые обнаружили, что прекрасный пол по-иному воспринимает юмор, чем мужчины. 16 ноября 2005 // http://ufg.com.ua/wu/index.php?module=Country&func=displaynew&_id=13008
- Форум "Russian Salt Lake City", Utah, US. 24 июля 2004 // timberfrog.com/RU/phpBB2R
- Форум "Медиахолдинг 31 канал" – // <http://www.31.kz/forum/showthread.php?s=3949954005642e90a5b268906fe763f7&threadid=34&goto=nextnewest>
- Форум "Правда. Ру" – // forum.pravda.ru/showthread.php?s=1a46200853bb05ed87b575d3dc3f09ec&threadid=1205&...
- Форум на dezhurov.ru. – Форум на dezhurov.ru. Феминизация науки // <http://www.dezhurov.ru/Forum/showthread.php?s=bffed9249e3a6311a7102f338e9769cf&postid=3646>
- Цветкова 1999 – Цветкова Л.С. Психологическое исследование деятельности и интересов посетителей ЦПКиО им. Горького // Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии: школа А.Н. Леонтьева. М., 1999.
- Чиркова 1998 – Чиркова О.А. Поэтика комического в современном народном анекдоте // Филологические науки. 1998. С. 23–37.
- Швыдкой 2005 – Швыдкой М.Е. Феминизм разрушает общество. Стенограмма телепередачи "Культурная революция" 22.04.2005 // <http://www.kpe.ru/rating/media/790/>
- Шишенок, Шишенок 2004 – Шишенок О., Шишенок Е. Женщины в физике и гендерные стереотипы // Женщины. Образование. Демократия. Минск, 2004. С. 233.
- Шмелева, Шмелев 1998 – Шмелева Е., Шмелев А. Рассказывание анекдота как жанр современной русской устной речи // Тр. Междунар. сем. "Диалог'98 по компьютерной лингвистике и ее приложениям". Казань, 1998.
- Шмелева, Шмелев 2002 – Шмелева Е.Я., Шмелев А.Д. Русский анекдот: Текст и речевой жанр. М., 2002.
- Щепанская 2003 – Щепанская Т.Б. Антропология профессий // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI. № 1 (21). С. 139–161.
- Юревич 2000 – Юревич А.В. Умные, но бедные. М., 2000.
- Яковенко 2002 – Яковенко И.Г. Ненормативный анекдот как моделирующая система: опыт культурологического анализа // Новое литературное обозрение. 2000. № 3 (43).
- Liker 1967 – Liker R. The Human Organisation. N.Y., 1967.
- Lindquist 1984 – Lindquist S. Grabe, wo du stehst // Geschichte von unten: Fragestellungen, Methoden und Projekte einer Geschichte des Alltags/Hrsg von H. Ehalt. Wien; Köln; Graz, 1984. S. 290–306.
- Rosaldo 1980 – Rosaldo M. The Use and Abuse of Anthropology. Reflections on Feminism and Cross-Cultural Understanding // Signs. 1980. № 5. P. 400.
- Rosaldo 1989 – Rosaldo R. Culture and Truth: The Remaking of Social Analysis. Boston, 1989.
- Varenne 1988 – Varenne H. About Pierre Bourdieu "Homo Academicus" // Teachers College Record. 1988. V. 91. P. 261–272.
- Verdery 1996 – Verdery K. What Was Socialism, and What Comes Next? Ithaca, 1996 (см. также список литературы в этой книге).